

С л о в о

въ недѣлю 2-ю Великаго поста*).

Человѣку такъ свойственно начать какое либо-дѣло, трудъ, подвигъ съ воодушевленіемъ, усердіемъ, но потомъ ослабѣть, забыть, бросить начатое. Такъ бываетъ постоянно и съ подвигомъ поста. Человѣкъ на краткое время умилится, осудитъ свои прежнія дѣла, вступитъ на путь жизни, указываемой совѣстью, евангеліемъ Христовымъ; онъ становится внимательнѣе къ каждому предостереженію совѣсти и сравнительно легко на первыхъ порахъ отбрасываетъ отъ себя прежніе соблазны. Однако это бываетъ обыкновенно такъ недолго. Сначала ослабѣваетъ прежняя внимательность, и человѣкъ уже не слышитъ многихъ внушеній совѣсти, затѣмъ, когда ослабѣваетъ вниманіе, теряется постепенно и запасъ духовной силы, который человѣкъ накопилъ чрезъ духовное упражненіе въ подвигѣ поста, человѣкъ весь разслабѣваетъ духовно и уже не въ силахъ подняться и идти по начатому имъ пути.

Зная это, св. Церковь какъ бы нарочито послѣ первой седмицы Великаго поста, когда она вводила чадъ своихъ въ особенно усиленный подвигъ поста, напоминаетъ сегодня о томъ, какъ легко можетъ ослабѣть вниманіе, а затѣмъ и вся душа—подвергнуться разслабленію: она напоминаетъ словами нынѣшняго апостольскаго чтенія: „мы должны быть особенно внимательны къ слышанному, чтобы не отпасть“ (Евр. 2, 1), а въ евангельскомъ чтеніи, вспоминая о разслабленномъ, св. Церковь предостерегаетъ отъ духовнаго разслабленія. Она воспоминаетъ о христіанахъ изъ евреевъ, которые уже „выдержали великій подвигъ страданій“ за Христа (Евр. 10, 33) и однако перестали быть внима-

---

*) Произнесено при послѣднемъ служеніи во Владикавказскомъ кафедр. соборѣ 26-го февраля 1917 года.

тельными къ слову проповѣди, разслабѣли отъ временныхъ искушеній, — и указываетъ на примѣръ разслабленнаго, чѣмъ оканчивается подобная невнимательность, начавшееся разслабленіе — полнымъ духовнымъ разслабленіемъ, при которомъ человѣкъ не въ силахъ даже подняться и одно движеніе доброе совершить, даже въ вѣрѣ ослабѣваетъ настолько, что, развѣ ходатайство болѣе крѣпкихъ вѣроу, святыхъ (какъ разслабленный исцѣленъ по вѣрѣ принесшихъ его), возвращаетъ его на путь спасенія. Даже, когда Христось придетъ, не въ силахъ человѣкъ духовно подняться и устремиться на срѣтеніе Его, войти въ отверстыя двери небснаго чертога Его.

Но, вѣдь, Христось теперь не близъ насъ видимо, какъ былъ около разслабленнаго: Онъ снова придетъ на землю только въ кончинѣ вѣка, и срѣтятъ Его лишь бдительные люди, подобно мудрымъ дѣвамъ, сберегшимъ елей въ сосудахъ для свѣтильниковъ своихъ. Теперь же Христось на небѣ, и какъ трудно взойти на небо человѣку, живущему на землѣ, а разслабленному и вообще возможно ли? Вѣдь, отечество наше на небесахъ, и восходъ туда труднѣе, чѣмъ если бы началъ человѣкъ восходить по лѣстницѣ, простирающейся до самага неба, — труднѣе во столько разъ, во сколько трудъ съ самопонуженіемъ къ хожденію въ добрѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ трудъ надъ восхожденіемъ на обычную гору. Возможно ли живущему на землѣ взойти на небо? Не пустая ли это мечта, надъ которою такъ посмѣваются люди міра сего и мудрецы вѣка сего?

Дѣйствительно, восхожденіе на небо могло бы казаться странной, неосуществимой мечтой, если бы туда уже предтечею не взошелъ Христось и не сткрылъ путь всѣмъ святымъ Своимъ. Когда еще ветхозавѣтный псалмопѣвецъ восклицалъ: „небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь, во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ“, то о видимыхъ

ли небесахъ только онъ говорилъ, о солнцѣ ли только видимомъ, которое утромъ исходитъ, какъ женихъ отъ чертога своего (псал. 18, 2, 5—6),—не говорилъ ли псалмопѣвецъ еще болѣе объ иныхъ небесахъ—о святыхъ апостолахъ, которые распространяли благовѣстіе о Христѣ до концевъ земли, какъ лучи Солнца правды, донесшіе свѣтъ Его до предѣловъ вселенной? Не они ли сдѣлались первыми звѣздами на новомъ небѣ духовномъ? И не о нихъ ли открыто тайнозрителю Іоанну, который видѣлъ знаменіе—жену, облеченную въ солнце (Апок. 12 гл.), т. е. Церковь Христову, облекшуюся во Христа со дней крещенія чадъ ея, и на главѣ жены вѣнецъ изъ 12 звѣздъ, т. е. двѣнадцать апостоловъ Христовыхъ? И если потому же видѣнію драконъ-діаволь увлекъ съ неба третью часть звѣздъ, т. е. множество отпадшихъ ангеловъ, то не засіяло ли вмѣсто нихъ множество новыхъ звѣздъ, на духовномъ небѣ, святыхъ Божіихъ, которыми Искупитель Христосъ восполнилъ лики отпадшихъ ангеловъ? Итакъ, небо не пусто: оно уже населено множествомъ духовъ праведныхъ, и какъ могли бы мы сказать, что святые доселѣ обитаютъ лишь въ нѣдрахъ земли, а не на небесахъ, откуда столь часто являются и живущимъ на землѣ? Если такъ, то духовное восхожденіе возможно.

Если оно кажется намъ невозможнымъ, то потому, что мы непрестанно обременяемъ себя тяжестью страстей житейскихъ, которыя самое сердце, источникъ жизни нашей, приковываютъ къ землѣ и восхожденіе на небо дѣлаютъ невозможнымъ. Развѣ мысль и обычнаго человѣка способна облетать небеса? Вѣдь, если бы всѣ мысли наши летѣли постоянно къ небесамъ, если бы сердце самое неслось туда на крыльяхъ пламенной любви къ „желаемому“ Христу, Котораго человѣкъ съ жаждою любви „вперсилъ“, подобно священномученику Игнатію, то что могло бы помѣшать восхожденію человѣка „на гору Господню“,

на самую небеса? Какъ бы ни высоко было небо, какъ бы ни высока гора Господня и путь духовнаго на нее восхожденія, человекъ можетъ совершить это восхожденіе, лишь бы сбрасывалъ съ себя, особенно съ самого сердца своего, бремя и тяжелыя оковы грѣховныхъ страстей и привычекъ. Тѣмъ болѣе легко востекаютъ на небо святые, которые такъ заботились облегчать душу свою отъ тяжести страстей житейскихъ постомъ и молитвой. Не въ Ветхомъ ли еще Завѣтѣ Енохъ, постившійся отъ всякаго зла и „ходившій“ только предъ Богомъ, живымъ съ тѣломъ взять не небо? Не также ли и Моисей, очистившись сорокадневнымъ постомъ, взошелъ на гору Господню тѣломъ, а духомъ — въ самую небеса и „узрѣлъ Сущаго“, „тину оттрясъ очесе умнаго“ (2 канона на Пятид. п. 1)? Не такъ ли великій Илья сдѣлался „небошественникомъ“, очистившись, подобно Моисею, сорокадневнымъ постомъ, и св. Церковь восклицаетъ о немъ: „сего, душе моя, восходъ помышляй“ (кан. Андрея Крит., пѣс 8)? Такъ восходили на небо святые. А мы, едва восшедши на первую ступень въ Великій Постъ, уже перестали слѣдить внимательно, куда ведетъ насъ дальнѣйшій путь Господень; едва только вспоминали (въ канонѣ пр. Андрея Критскаго) такое множество святыхъ Ветхаго и Нового Завѣта, прошедшихъ путь сей, чтобы укрѣпить себя, и снова падаемъ на одръ духовной болѣзни и разслабленія; едва только со скорбію, казалось бы, восклицали, каждый о себѣ: „нынѣ тяжкимъ бременемъ обложенъ есмь“ (кан. Андр. п. 2), и уже снова съ усердіемъ начали изо дня въ день, изъ часа въ часъ умножать это бремя, съ которымъ не только на небо не подняться, но ни однимъ членомъ души свободно нельзя двинуть, чтобы сдѣлать что-либо угодное Господу?

Что можетъ душѣ воспрепятствовать возлетать туда? Тѣло? Но пусть оно лежитъ въ могилѣ до скончанія вѣка, — развѣ духъ будетъ прикованъ къ праху, скрытому въ

нѣдрахъ земли, если, еще живя на землѣ, человѣкъ не былъ привязанъ ни къ чему земному? Для духа, который накопилъ въ себѣ такое множество святыхъ мыслей, чувствъ и желаній, развѣ можетъ быть препятствіемъ тяжесть тѣла, подобно тому, какъ для огромнаго воздушнаго шара, наполненнаго легкими газами, нетрудно поднять къ небесамъ, кромѣ себя самого, и большую тяжесть? Мало того, если сердце возлюбило Господа любовію всецѣлою, крѣпкою, какъ смерть, то оно уже возлетѣло ко Господу:—уже при земной жизни человѣка открывается въ самомъ сердцѣ его небо и рай, человѣкъ уже, живя на землѣ, переселяется на небо, въ рай, и не замѣчаетъ ничего земнаго, проходитъ мимо, не связывается ничѣмъ, какъ и человѣкъ, охваченный блаженствомъ земной любви, ничего прочаго не замѣчаетъ, ни лишеній, ни страданій.

Какъ же нужно намъ возноситься чаще на небо хотя мыслями, хотя пламенными желаніями сердца, томленіемъ его по небѣ, откуда человѣкъ ниспалъ, плачемъ по потерянномъ раѣ! Одна святая мысль ведетъ за собою другую, и накапливается множество ихъ, и душа, ими наполненная, легко, неудержимо будетъ стремиться на небесную высоту. Трудно взойти на гору, уходящую въ небеса, но шагъ за шагомъ, постепенно и незамѣтно, можно взойти безъ особаго труда, тѣмъ болѣе, что идущимъ къ Себѣ Господь подаетъ непрестанную помощь и усладу сердца, показуя ему, что „око не видѣло, и ухо не слышало, что уготовалъ Богъ любящимъ Его“. (1 Кор. 2,9).

Но пора окончить бесѣду нынѣшнюю и всѣ вообще бесѣды, такъ какъ нынѣшняя литургія, здѣсь мною отслуженная, уже послѣдняя. Недолго мнѣ судилъ Богъ здѣсь пробыть, и немного успѣлъ я помогать вашему восхожденію „на гору Господню“ духовнаго Христова совершенства, самъ, быть можетъ, иногда претыкаясь; то тамъ, то здѣсь пришлось за это время видѣть развѣ только еще началь-

ные отпрыски и побѣги духовной жизни, за которыми, быть можетъ, я не умѣлъ, какъ должно, наблюдать и хранить ихъ. Но все же въ нынѣшней часъ не могу не возблагодарить Господа за видѣнные мною шаги духовнаго вашего восхожденія, побѣги духовной жизни. Не могу не вспомнить съ отрадою видѣнное по временамъ воодушевленіе въ молитвѣ, терпѣніе, съ какимъ люди большіе и малые стояли многіе часы богослуженія. Вспоминаю съ отрадою усердіе, съ какимъ назидались многіи словомъ Божиимъ, также-плачь о грѣхахъ, замѣчавшійся во время какого-либо слова. Вспоминаю и о начавшемся, все болѣе возраставшемъ добромъ общеніи съ здѣшнею паствою, которое такъ смягчало мои труды и печали духовнаго сѣянія. Если же, какъ рабъ, лѣнивый, не сдѣлалъ я всего того, что Господь опредѣлилъ мнѣ здѣсь сдѣлать, то прошу прощенія и недостатки восполнить молитвою. Господь же силенъ укрѣпить стопы ваши для дальнѣйшаго духовнаго восхожденія, дать возрасти духовнымъ побѣгамъ, начавшимъ подниматься въ душахъ здѣшнихъ людей. Да исполнится на нихъ моленіе св. Церкви, которое часто возносится устами архіерея: „призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, его же насади десница Твоя“. Да исполняется на васъ слова, сказанныя объ Израилѣ, Осіи пророка, о которомъ я часто вспоминалъ здѣсь: „уврачую отпаденіе ихъ, возлюблю ихъ по благоволенію... Я буду росой для Израиля; онъ расцвѣтетъ, какъ лилія, и пуститъ корни свои, какъ Ливань.... „Что мнѣ еще за дѣло до идиоловъ“? скажетъ Ефремъ?—Я услышу его и призрю на него; Я буду, какъ зеленѣющей кипарисъ; отъ Меня будутъ тебѣ плоды. Кто мудръ, чтобы разумѣть это? кто разумень, чтобы познать это?“ (Осіи 14, 5—10).

Епископъ Фаддей.

Редакторъ Протоіерей А. Нефедьевъ.